
ХРОНИКА

ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В НАУКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ» (26 марта 2015 г., Москва, Литературный институт им. А. М. Горького)

26 марта 2015 г. в Литературном институте им. А. М. Горького прошла ежегодная конференция «Путь интеллектуала в науке и творчестве». В конференции приняли участие преподаватели и научные работники Литературного института им. А. М. Горького, кафедры истории древнего мира и кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета и учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова при РГГУ. Ниже приводятся тексты основных докладов.

И. А. ЛАДЫНИН (МГУ)

МАНЕФОН СЕВЕННИТСКИЙ: НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ БИОГРАФИИ И ТЕНДЕНЦИИ ТВОРЧЕСТВА

Одной из главных проблем изучения древнеегипетской культуры является то, что, прекрасно сознавая авторский характер многих ее произведений, мы не имеем никаких конкретных данных об их создателях: даже зная их имена [Коростовцев, 2001, с. 109-146], мы не представляем или почти не представляем себе их личности. Не оказывается качественно лучшей и наша осведомленность о Манефоне Севеннитском — египетском жреце начала эллинистического времени, создавшем ряд произведений о своей стране на древнегреческом языке: несмотря на относительно высокую их сохранность в античной и раннесредневековой традиции (в передаче христианских хронографов, Плутарха и др.) [Waddell, 1980], нам неизвестна явно большая часть его биографии, и современные исследователи реконструируют ее довольно предположительно. Причина этого понятна: в фокусе внимания той традиции, которая формировалась в эллинистическом Египте, находились македоняне и греки, а не египтяне, да и сама эта традиция по большей части не пережила римского завоевания Египта.

Имя Манефона, известное в древнегреческой транскрипции (*Manethōn*, *Manethōs* и др.), по-видимому, восходит к египетскому «Маат-эн-Джехути» («Правда Тота»): таким образом, это теофор, содержащий имя египетского бога мудрости, что, однако, не обязательно связано с его деятельностью. По всей вероятности, Манефон происходил из жреческого рода: сам он жрецом был, а это занятие в Египте Позднего времени было, как правило, наследственным. Пиком его карьеры было, видимо, положение «верховного жреца и книжника священных алтарей Египта, родившегося в Севенните

и пребывающего в Гелиополе», упомянутое в его письме Птолемею II Филадельфу (282–246 гг. до н. э.), известном в передаче Синкелла: если этот текст подлинный, то Манефон достиг одного из самых высоких статусов в жреческой иерархии Египта. Переданный Плутархом (*De Is. et Os.* 9, 28) этникон Манефона указывает на его происхождение из Севеннитского нома в центральной части Дельты Нила, откуда происходили последняя XXX династия египетских царей (ок. 379–343 гг. до н. э.) и ряд представителей элиты Египта, связанных с его македонскими завоевателями.

Серьезные затруднения представляет определение времени жизни Манефона. Обстоятельство его биографии, известное точнее всего, — это его участие в учреждении культа бога Сараписа, локализованного в Александрии и связанного с династией Птолемеев. Античная традиция делает Манефона участником этого события и относит его ко времени Птолемея I Сотера (царствовал в 305/4–282 гг. до н. э.; *Plut. De Is. et Os.* 28; *Tac. Hist.* IV. 83–84; роль Манефона в создании этого культа подтверждается находкой его скульптурного изображения в Серапеуме Карфагена: надпись CIL 8. 1007). Климент Александрийский сообщает в связи со введением культа Сараписа легенду, сходную с изложенной Плутархом и Тацитом, но приписывает его Птолемею II (*Clem. Al. Protr.* IV. 42–43); Кирилл Александрийский (*Cyr. C. Iul.* I. 13) относит его к 124 Олимпиаде, т. е. к 284–281 гг. до н. э., что соответствует соправлению Птолемея I и II. Думается, что данное соответствие оптимально разрешает противоречие в датировке этого события двумя разными царствованиями. Согласно Иерониму в греческой версии Евсевия данное событие произошло в 286 г. до н. э. (II, 119, ed. Schöne), согласно армянской версии — в 278 г. (II, 120, ed. Schöne), что опять же «подтягивает» его датировку к рубежу царствований Сотера и Филадельфа. В таком случае в конце 280-х гг. до н. э. Манефон должен был быть зрелым, вряд ли пожилым, человеком, которого можно было бы привлечь к столь ответственному делу; и это заставляет думать, что он родился за 40–50 лет до этого, в конце 320-х или 330-х гг. до н. э. В связи с биографией Манефона иногда принимают во внимание, что в его свидетельствах о XII династии Фаюмский оазис обозначен термином «Арсиноитский ном», введенным при Птолемею II в 256 г. до н. э., а в папирусе 241 г. до н. э. (6 года Птолемея III), некий Манефон упоминается как высокопоставленное лицо, авторитетное для решения спора гераклеопольских жрецов с администрацией (pHib. I. 72). Однако если считать это упоминание Арсиноитского нома аутентичным первоначальному тексту Манефона и отождествлять с ним фигуранта папируса и в то же время принимать обоснованные выше выкладки о времени введения культа Сараписа и возрасте Манефона при этом (отказываться от них нет оснований), то срок его жизни и, главное, активной деятельности необычайно и не слишком правдоподобно удлинится. Безусловно, сугубо произвольно мнение В. В. Струве, что Манефон родился еще при XXX династии и был в зрелые годы современником не только Птолемеев, но и Александра Великого (в частности, сопровождал его в восточном походе в качестве эксперта по возвращению в египетские храмы статуй богов, в свое время захваченных персами [Струве, 2003, с. 98–101]).

Участие Манефона в создании культа Сараписа показывает его готовность к сотрудничеству с новыми македонскими властями Египта — позицию, занятую далеко не всеми представителями его местной элиты. Именно для

греков и македонян Манефон пишет на понятном им древнегреческом языке (эллиническое образование он получил еще в детстве: *Ios. Flav. C. Arion. I. 14. 73*) свои произведения, среди которых наиболее важны история Египта (*Aigyptiaka*) и т. н. «Священная книга» — по-видимому, своего рода введение в египетскую мифологию, использованное Плутархом в трактате «Об Исиде и Осирисе». Настроение сотрудничества с македонянами проявляется и в этих произведениях: так, говоря о том, что со времен II династии у египтян женщины имели право на царскую власть, Манефон мог стремиться дать обоснование беспримерному возвышению Арсиной II — сестры и супруги Птолемея II [Carney, 2013, p. 85] (если это так, то *Aigyptiaka* датируется с почти идеальной точностью временем ее жизни в Египте в 270-е гг. до н. э. !); а в целом его исторический труд показывает, что на протяжении многих тысячелетий царская власть в Египте передавалась от одного сакрального правителя к другому и теперь находящиеся на престоле цари из дома Птолемеев — законные наследники своих предшественников. Вместе с тем задача, которую преследовал Манефон, не сводится к простому сотрудничеству с чужеземными хозяевами Египта, а включает в себя и его искреннее стремление рассказать им о богатствах его культуры. Примечательно, что он старается делать это в греческих же категориях, например, синхронизируя в конце второй книги («томоса») своего труда рубежные события египетской и греческой истории — правление Туориса (исторической царицы XIX династии Таусерт) и Троянскую войну. Очевидно, это стремление «рассказать о Египте» и сделать это максимально понятно связано с ощущением определенного «цивилизационного поражения» у египтян после того, как их страна была завоевана македонянами и они вместе с греками сформировали ее политическую элиту. В этих условиях грекоязычные произведения об истории и религии Египта явно преследовали цель продемонстрировать внешнему миру состоятельность и равноправие египетской цивилизации по сравнению с эллинской и наличие у египтян собственной богатой истории (примечательно, что примерно в это же время и в сходных условиях такую задачу решал в своем произведении об истории Месопотамии вавилонский жрец Беросс).

Т. Б. ГВОЗДЕВА (Литературный институт им. А. М. Горького)

ТИРАН ПИСИСТРАТ — ИНТЕЛЛЕКТУАЛ ИЗ АФИН

Знаменитый афинский тиран Писистрат, сын Гиппократ, был личностью неоднозначной и разносторонней. Оценку его деятельности оставили Геродот и Фукидид, Аристотель и аттидографы. Его отличало самообладание и хладнокровие, умеренность и доброжелательность, которые сочетались в нем с умным и тонким расчетом. В своей политике Писистрат придавал большое значение панэллинским играм. Судя по имени отца Писистрата — Гиппократ, а также по именам его сыновей (Гиппий и Гиппарх), он вырос в семье, где увлекались конным спортом. Кроме того, участие в панэллинских играх превратилось в традиционный способ завоевания общественного престижа, и Писистрат был не прочь им воспользоваться. Человек честолюбивый, он, по-видимому, сам лично не участвовал ни в Олимпийских, ни в Пифийских играх, но благодаря Кимону, ему приписали олимпийскую победу (Herod. VI. 103), а его сыновья Гиппий и Гиппарх возможно отличились на конном агоне